

Глава 23: Глубокая Привязанность Не Угасает

Мэн Сюэли говорил с Юй Цишу, слегка косясь, чтобы периферийным зрением наблюдать за человеком в заднем ряду.

Он думал про себя, что спокоен, но поскольку тот не проявил инициативы извиниться, Мэн Сюэли не собирался с ним разговаривать. Пусть поймёт серьёзные последствия гнева старейшины.

После утреннего урока младшие ученики собрались вокруг Мэн Сюэли, болтая и предлагая ему закуски, но только Младший Брат Сяо хранил молчание.

Мэн Сюэли полагал, что Юй Цишу, должно быть, любопытно, чем занимался Сяо Тинъюнь вместо того, чтобы присутствовать на раннем утреннем чтении. Было бы лучше подождать, пока Юй Цишу спросит первым.

Однако, пока день продолжался, Юй Цишу сосредоточился на чтении и письме, казалось, забыв об этом деле.

Когда прозвонил вечерний колокол, сигнализирующий об окончании занятий, половина учеников бросилась из учебного зала. Мэн Сюэли услышал шорох упаковывающих бумаги и ручки позади себя, обернулся и холодно произнёс:

«Где твоё сочинение на тысячу слов?»

Цзи Сяо был ошарашен: «Мне действительно нужно его писать?»

Мэн Сюэли отвернулся: «Забудь!» Он всё равно не собирался начинать разговор.

Цзи Сяо наклонился вперёд, положив руку на стул Мэн Сюэли: «Я напишу его прямо сейчас. Так пойдёт?»

Казалось, он что-то вспомнил и понизил голос: «Я был неуместен вчера, говорил без сдержанности. Я приношу свои извинения, Старейшина Мэн».

Мэн Сюэли почувствовал, как его уши нагрелись, инстинктивно отвернувшись, но было слишком поздно, его мочки ушей уже слегка покраснели.

Юй Цишу наконец заметил, что что-то не так: «Вы двое поссорились?»

Цзи Сяо быстро ответил: «Это была моя вина».

Юй Цишу одарил его взглядом, говорящим: «Ты довольно рассудителен». Лидер партии никогда не ошибётся, если и есть ошибка, то это вина членов партии.

Когда Цзи Сяо сдал своё сочинение, Мэн Сюэли увидел, что он отнёсся к нему серьёзно, с аккуратным и красивым почерком, который показался ему несколько знакомым. Вероятно, он практиковался, подражая известному каллиграфу.

Цзи Сяо сказал: «Пожалуйста, дайте мне своё наставление, Старейшина».

Мэн Сюэли был доволен, хотя и сказал: «Как бы ты ни старался, ты не сможешь написать даже малую часть несравненной грации моего Дао-компаньона. Я неохотно считаю тебя достойным».

Он схватил горсть кедровых орехов и положил их на стол Цзи Сяо, в одностороннем порядке объявляя холодную войну законченной.

Цзи Сяо прикрыл рот и тихо кашлянул.

Мэн Сюэли посмотрел на выражение лица Цзи Сяо и не мог не улыбнуться про себя. Всего лишь горсть кедровых орехов заставила его покраснеть, он действительно просто ребёнок.

За пределами зала закона особое внимание, уделяемое Дао-компаньону Цзи Сяо учениками Хань Шань, было недолгим.

С наступлением ночи и зажиганием огней пиков, слабый лунный свет тихо распространился, освещая золотую черепицу дворца главного пика, холодный пруд на Тренировочной Платформе Меча, письменный стол у окна в библиотеке и двери пещерных резиденций в долине.

Лунный свет шёл с далёкого юга, сопровождаемый луной на западе, создавая эффект двойного лунного света.

Культиваторы выше уровня Сяо Шэн почувствовали драматическое изменение в природных энергиях, испытывая чувство трепета. Даже обычные люди, глядя на небо, ощущали необъяснимые эмоции страха и благоговения.

Настоящая луна была на западе, и то, что освещало южное ночное небо, было не лунным светом, а тенями мечей.

В ту ночь Мастер Секты Рода Озера Миньюэ, Верховный Старейшина Озера Миньюэ, Гу Цин, достиг святости.

Небесные явления изменились, и весь мир стал их свидетелем в течение ночи.

Озеро Миньюэ наконец-то увидело яркую луну. Однако Секта Меча Хань Шань на севере была окутана тяжёлыми облаками.

Две секты находились в конфронтации север-юг, и динамика между ними постоянно менялась.

Теперь, когда Верховный Старейшина Озера Миньюэ стал святым, в то время как Верховный Старейшина Хань Шань всё ещё находился в затворничестве, чтобы продлить свою жизнь, контраст был очевиден, что делало момент щекотливым.

На следующее утро Зал Правовых Принципов гудел от обсуждений.

«Я слышал, что наблюдение за небесными явлениями становления святым может помочь понять истинный смысл Дао. Но я не спал всю ночь, наблюдая, и не получил никакого озарения».

«Ты такой глупый. Озеро Миньюэ находится за тысячи миль. Тени мечей там достигают небес и земли, но к тому времени, когда они доходят до нас, это всего лишь полоска света. Как можно получить озарение от этого?»

«Гу Цин Чжэньжэнь действительно стал святым? Разве это не означает, что он такой же, как Цзи Сяо Чжэньжэнь?»

Юй Цишу опоздал и взволнованно сказал: «Вы все знали? Гу Цин Чжэньжэнь стал святым прошлой ночью!»

Ученики на мгновение замолчали, прежде чем гул разговоров возобновился.

Юй Цишу, видя, что Сяо Шиди всё ещё читает, был шокирован и стукнул по его столу: «Гу Цин стал святым!»

Цзи Сяо отложил книгу и сказал: «О, правда?»

Гу Цин уже было за пятьсот, если бы он не достиг святости в ближайшее время, у него не осталось бы много лет, чтобы тратить впустую.

Юй Цишу: «Что это за выражение? Разве ты не удивлён?!»

Цзи Сяо слегка приподнял бровь, пытаясь изобразить заинтересованность: «О? Правда?»

Юй Цишу: «Забудь».

Юй Цишу: «Гу Цин Чжэньжэнь станет новым „Непобедимым в Мире“».

Цзи Сяо покачал головой: «Нет».

Юй Цишу пробормотал: «Ах, ты не понимаешь таких вещей, тебе трудно объяснить».

«Стадию Махаяны» можно называть Даосским Учителем, «Стадию Зарождающейся Души» можно называть Даосским Почтенным. За ними следует «Святость», всего лишь в шаге от вознесения.

В одном и том же царстве мечники-культиваторы обычно сильнее культиваторов закона, буддийских культиваторов или заклинателей зверей.

Когда Цзи Сяо был на Стадии Зарождающейся Души, он уже был непобедим в мире, поэтому его называли «Меч-Суверен». Этот титул сохранялся до тех пор, пока Цзи Сяо не прорвался к «Святости».

Теперь, когда Гу Цин достиг святости, он заменил Цзи Сяо как единственный «Святой» в человеческом царстве. Ученики Озера Минъюэ начали называть Гу Цина «Святой Меча».

Юй Цишу подумал, что Младшему Брату Сяо не хватает общих знаний о культивации и он не понимает серьёзности ситуации. Он повернулся к Мэн Сюэли, только чтобы увидеть обычно улыбающегося Старейшину Мэна, без выражения смотрящего в окно.

Постоянный старейшина сегодня не пришёл, и в Зале Правовых Принципов был объявлен временный выходной. С таким крупным событием, старейшины собрались на главном пике для обсуждения, создавая странную атмосферу по всей Хань Шань.

Через месяц, однажды вечером, когда ветер и снег постепенно утихли и начали светиться огни, в небе над Южным Морем появилось багровое свечение. Это был не красивый закат, а безграничный красный свет, подобный крови.

Это небесное явление произошло не глухой ночью, а вечером, что сделало его более ясным и шокирующим для всех.

Старший Брат Цзи Сяо Чжэньжэня, мастер Обширного Царства Тяньху, достиг святости.

Сильные фигуры Хань Шань вздохнули с облегчением, хотя их эмоции были более сложными.

В течение месяца две великие фигуры поразительно достигли святости, что сделало эту эпоху беспрецедентной в истории человеческой культивации.

Эпоха непревзойдённого доминирования Меч-Суверена Цзи Сяо подошла к концу.

Для младших учеников в Зале Правовых Принципов, хотя это крупное событие было шокирующим, оно всё ещё казалось далёким. Изменения в структуре мира культивации не были тем, о чем им нужно было беспокоиться на данный момент.

В учебном зале ученики больше беспокоились о предстоящих годовых экзаменах.

Чтобы обеспечить плавный переход во внутреннюю секту, все практиковались днём и ночью, задавая вопросы старейшинам или Мэн Сюэли. В то время как святость казалась далёкой, запоминание даосских писаний было в пределах их досягаемости.

Мэн Сюэли был в плохом настроении в последнее время, но он оставался терпеливым, отвечая на вопросы молодых учеников.

Юй Цишу также был не в духе, он всё ещё был одет в свою элегантную одежду, но ему не хватало той живой ауры, которая у него обычно была.

Единственным, кто оставался спокойным среди трёх фракций, был Сяо Тинъюнь.

Когда Мэн Сюэли, окружённый толпой, выглядел немного уставшим, Сяо Тинъюнь внезапно сказал: «Я могу ответить на этот вопрос».

Он ответил хорошо, и другие ученики пришли задавать вопросы ему.

Удручённый лидер партии и заместитель лидера партии воспользовались возможностью, чтобы ускользнуть, прогуливаясь по сосновым лесным тропам и вдыхая свежий воздух.

Маленькие животные сновали среди зелёных сосен, и птицы прыгали с ветки на ветку. Любое из этих существ казалось живее, чем они двое.

Мэн Сюэли внезапно остановился и сел на землю, прислонившись к старой сосне. Юй Цишу, чувствуя себя слишком ленивым, чтобы продолжать идти, присоединился к нему, и они вдвоём сидели под деревом, и ели кедровые орехи.

Мэн Сюэ: «Знаешь, у меня такое чувство, что мой Дао-компаньон не умер. Он прямо рядом со мной».

Юй Цишу был шокирован, но увидел, что Мэн Сюэли не шутит, а вместо этого выглядит серьёзным и спокойным.

Он начал волноваться. Неужели это иллюзия, вызванная чрезмерной тоской? Такая глубокая привязанность, но неспособность быть вместе — неудивительно, что люди говорят, что чрезмерная мудрость ведёт к печали, а глубокие чувства сокращают жизнь... У него заболело сердце, и потекли слёзы.

Мэн Сюэли, растерянный и смущённый, воскликнул: «Почему, почему ты плачешь?!»

Юй Цишу вытер слёзы и сказал: «Зная, что никто не будет тебя обижать, мне стало спокойно взять на себя обязанности в Зале Исполнителей». Он всегда видел нежную сторону Мэн Сюэли и думал, что тот мягкий и без характера.

Мэн Сюэли был озадачен: «Почему ты хочешь взять на себя административные обязанности? Ты вёл себя странно в последнее время. Разве ты не хочешь стать учеником?»

Юй Цишу улыбнулся: «Почему бы и нет? По дороге в Хань Шань я много о чём думал. Тогда, когда Цзи Сяо Чжэньжэнь был ещё жив, я мечтал, что он похвалит мой экстраординарный талант, возьмёт меня в ученики, и я стану старшим братом Пика Чанчунь. Сто лет спустя я достигну святости, вернусь домой во славе, и Город Белой Цапли будет освещён в честь праздника. Моя мать держала мою руку, говоря, что гордится мной, а мой отец извинялся передо мной в слезах...»

У Мэн Сюэли закружилась голова от всего этого: «У тебя много мыслей».

Юй Цишу вздохнул: «Город Белой Цапли изначально намеревался заключить союз с Хань Шань, поэтому они послали меня сюда в качестве ученика, чтобы показать свою искренность».

Мэн Сюэли, вспоминая череду титулов, прикреплённых к имени Юй Цишу, был удивлён: «Разве ты не сын городского лорда Города Белой Цапли?» Судя по тому, что он сказал, это было похоже не на то, что он был молодым лордом, а скорее на то, что его отсылали или бросали.

«У моего отца двадцать четыре сына. У меня нет лучшего таланта, ни самого высокого статуса, и моя мать не в фаворе. Если не я, то кто?» — тихо сказал Юй Цишу. — «Отец сказал, что когда я вернусь из Хань Шань, достигнув святости, он сделает меня молодым городским лордом. Я знаю, он мне лгал. Даже если я и достигну святости, это будет через сотни лет. Будет ли Город Белой Цапли существовать тогда?»

Мэн Сюэли подумал, что это обещание так же пусто, как сказать ребёнку на рынке: «Когда вырастешь и станешь императором, я куплю тебе конфету».

Но, никогда не испытывая семейных уз, Мэн Сюэли не знал, как его утешить. Он мог только похлопать Юй Цишу по плечу и сказать: «Приехать в Хань Шань не так уж плохо. Дао обширно и безгранично, ты можешь культивировать где угодно».

Юй Цишу снова вздохнул: «Я раньше думал так же. Я думал, может быть, приехав в Хань Шань, я встречу Меч-Суверена. Но кто знал, что вскоре, прежде чем Город Белой Цапли успел заключить союз с Хань Шань, Меч-Суверен падёт? Теперь, когда Верховный Старейшина Озера Миньюэ достиг святости, Город Белой Цапли, который уже колебался, вероятно, обратится к Озеру Миньюэ... Учитывая ситуацию, мне на самом деле лучше взять на себя административные обязанности».

Мэн Сюэли замолчал. Если Город Белой Цапли станет врагами с Хань Шань в будущем, Юй Цишу окажется в очень трудном положении — между своей семьей и своей сектой.

Теперь он ясно осознал, что со смертью Цзи Сяо многое изменилось.

В человеческом царстве были бесчисленные малые и средние силы, подобные Городу Белой Цапли, когда-то союзные или намеревавшиеся заключить союз с Хань Шань, которые теперь могли обратиться к другим крупным сектам.

Этот сдвиг может привести к бесчисленным конфликтам и жертвам, что совершенно непредсказуемо.

Юй Цишу: «Давай не будем говорить об этом, это только заставляет нас больше тревожиться. Давай просто поедим кедровые орехи...»

Внезапно Мэн Сюэли осенила идея: «Я старейшина, я должен иметь возможность брать учеников, верно?»

Юй Цишу был ошеломлён его ходом мыслей: «Я думаю, ты действительно можешь».

Мэн Сюэли имел титул старейшины, получал подношения как старейшина и имел Пик Чанчунь в качестве своего жилища — почему бы ему не взять учеников? Но поскольку он обычно посещал занятия с молодыми учениками и не важничал, люди склонны были забывать, что он не ученик, а, скорее, экзаменатор.

Юй Цишу ошеломлённо уставился: «Это... это может сработать? Согласится ли Лидер Секты?»

«Я попрошу разрешения Лидера Секты присутствовать на экзамене этого года. Я возьму только тебя в ученики, что не будет мешать другим старейшинам выбирать своих учеников, и

не мешает никому другому стать учеником. Почему бы этому не сработать?»

Глаза Юй Цишу внезапно прояснились, и он хлопнул в ладоши от радости: «Дао-Предок, благослови нас, это чудесно!»

То, что казалось трудным и мрачным путём, внезапно открыло новые возможности.

Мэн Сюэли, однако, нашёл идею того, что друг становится учеником, немного странной: «Значит, если ты станешь моим учеником, я буду выше тебя по рангу?»

Юй Цишу естественно сказал: «Ты Дао-компаньон Меч-Суверена, твой статус, естественно, высок».

Он пробормотал про себя: «В таком случае, Цзи Сяо Чжэньжэнь — мой шурин. Я правнук Даосского Почтенного Линсюй, внук Даосского Учителя Чунъюань, сын Городского Лорда Города Белой Цапли и старший брат Пика Чанчунь. Я — Юй Цишу. Это того стоит!»

Мэн Сюэли сказал: «Во время большого экзамена мы просто выполним формальности. Не волнуйся, Старший Брат Пика Чанчунь».

Решив проблему своего друга, он был в хорошем настроении, не подозревая, что судьба приготовила для него гораздо больше, чем просто поворот «друзья становятся учителем и учеником».

Примечание автора: Цзи Сяо: Я напишу, я напишу, разве этого недостаточно? qaq

<http://bllate.org/book/12813/1130402>